

*Посвящается 80-летию  
со дня рождения профессора,  
доктора психологических наук  
Роговина Михаила Семеновича*

# **СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**№ 14–15**

**Томск – 2001**

## ВЕРИФИЦИРУЕМОЕ И ИНТУИТИВНОЕ ПОЗНАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО

М.С. Роговин, Г.В. Залевский

**Аннотация.** Рассматривается проблема логического, рационального, дискурсивного познания психического и познания его путем интуиции. Предпринимается попытка выяснить взаимоотношения между ними и психологические механизмы, которые лежат в основе каждого из них. Дается аналитический обзор конкретных экспериментально-психологических исследований, а также приводятся данные авторских исследований.

**Ключевые слова:** интуиция, познание психического, психологические механизмы, патология.

Уже давно, со времени античности как на эмпирическом уровне, так и на уровне философско-умозрительных обобщений рассматривалась проблема логического, рационального, дискурсивного познания психического и познания его путем интуиции. Это рассмотрение, еще не опиравшееся на какую-либо информацию о лежащих в основе каждого из этих путей психологических механизмах, ограничивалось констатацией их противопоставления. Многим аспектам этого противопоставления посвящена обширная философская и психологическая литература<sup>1</sup>, на которой мы не можем здесь останавливаться. Отметим только, что по мере развития научного знания противопоставление рационального рассуждения и интуиции как двух гетерогенных форм познания свелось к противопоставлению данных, полученных с помощью научно верифицируемых, реализующихся во времени методов, и интуиции индивидуализированного, осуществляющегося одновременно познания.

С другой стороны, вместе с развитием экспериментальной психологии и достижением ею такого уровня, когда она уже с большой продуктивностью обращается к самому процессу психологического исследования, многие аспекты интуитивного познания, в его сравнении и противопоставлении познанию рациональному, приобретают иное звучание и занимают иное место, чем это было ранее.

Прежде всего экспериментально-психологическое исследование подтверждает самый факт существования таких форм и возможностей познания, которые не поддаются сведению их к рационально-логическим формам. Так, в частности, было показано, что такие впечатления (стоящие между собственно познавательными актами и обусловленными ими чувствами), как «знакомое» – «незнакомое», «дружественное» – «враждебное», «сильное» – «слабое» и т.д. формируются не рационально, а интуитивно.

Многие исследователи в конкретных отраслях науки отводили – в зависимости от своих индивидуальных особенностей – более или менее существенное место интуиции.

Автор современного руководства по медицинской диагностике рассматривает основанный на интуиции диагноз наряду с методами, основанными на физических, химических и других естественно-научных закономерностях [10]. Ученые, занимающиеся расшифровкой писем, выполненных на древних, неизвестных языках, также считают, что в этой работе интуиции как «способности подсознательно идентифицировать существенные признаки и связи..., уловить структуру текста» [1] принадлежит весьма существенная роль.

Ограничимся этими примерами, поскольку аналогичное можно найти и в других областях. В этой связи подчеркнем лишь, что при экспериментальном изучении интуиции четко выступает следующее важное для нашего изложения обстоятельство: больший удельный вес интуитивных форм познания проявляется в случаях исследования психического. Несомненно, эта связь в первую очередь обусловлена самой природой объекта психологического исследования, не допускающего во многих случаях аналитического расчленения (на этом вопросе мы останавливались в нашей книге) [2]. Как история наук о психике, так и их современное состояние свидетельствуют о том, что с полным основанием можно говорить о двух различных формах, двух путях достижения познавательного результата при изучении психического<sup>2</sup>. Проблема заключается в том, каковы взаимоотношения между ними и каковы те психологические механизмы, которые лежат в основе каждой из этих форм. В современной психологии отмечается стремление дать ответы на оба эти вопроса.

То, что мы теперь противопоставляем как верифицируемое и интуитивное познание другого человека, то раньше выступало в иной форме – как умозрительное противопоставление чувственного и рационального; при этом многие мыслители отдавали явное предпочтение первому. Так, в 1799 г. Ф. Шиллер в одном из своих писем В. Гёте писал о том, что в познании большинства людей чувственное (*Empfindung*) более эффективно, чем умственное (*Rasonnment*). Лишь только, продолжал он, подключается размышление (*Reflexion*), тут же начинаются и заблуждения [13. С. 17]. Такая редукция к не-

<sup>1</sup> См., например, Налчаджян А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. М.: Мысль, 1972, а также соответствующие статьи в философской энциклопедии. Следует, конечно, помнить о содержании термина «интуиция»; если у Декарта это – ясное и четкое знание, то для современной психологии – знание есть результат минимального участия размышления и рассуждения, знание безотчетное.

<sup>2</sup> Различие между указанными двумя подходами особенно заметно в немецкоязычной литературе, в которой не только содержательно, но и терминологически противопоставляются «научная психология» (*wissenschaftliche; Psychologic*) и «знание человека» (*Menschenkenntnis, Kennerschaft*).

посредственно чувственному соответствует имеющейся в донаучной психологии явной тенденции «переводить на язык ощущений» сложность психики другого человека или межличностного общения (мы говорим о «темных замыслах», «теплых или прохладных взаимоотношениях», «жестком или мягком характере», «слепой любви или ненависти» и т.д.).

Нет сомнения в том, что противопоставление верифицируемого и интуитивного познания приобретает особую остроту при изучении психической патологии (психиатрия, клиническая психология, патопсихология), поскольку здесь максимальна степень трудности интерпретации данных, полученных с помощью различных методов. Наиболее полное изложение этих вопросов дается в книге известного американского патопсихолога П. Мила [12], трактовки которого оказали значительное влияние на развитие этой проблемы [5]. П. Мил после детального семантического анализа верифицируемого и интуитивного подходов при изучении психической патологии (в его терминологии – это методы «статистический» и «клинический») показывает соотношение между этими двумя подходами в конкретном психопатологическом исследовании.

Еще на эмпирическом уровне были отмечены основные особенности тех действий исследователя, которые направляются интуицией. Во-первых, указывалось на специфический характер внимания типа «максимального слияния с объектом», сочетание его максимальной концентрации с полной пассивностью. Такое внимание должно предотвратить произвольное выделение отдельных сторон и свойств объекта и гарантировать целостность его восприятия, «схватывания» его внутренних взаимосвязей, гештальта<sup>3</sup>. В этом духе высказывались такие крупные авторитеты, как З. Фрейд и К. Лоренц. В своих советах врачу при проведении психоанализа Фрейд [9] говорит о «равномерно обволакивающем внимании» (*gleichschwebende Aufmerksamkeit*). По его мнению, именно такая концентрация должна обеспечить ту максимальную концентрированность и отдачу со стороны памяти, извлечение из нее всего того, что относится к данному больному, и отстранение всех иных впечатлений от других аналогичных случаев. Аналогично К. Лоренц говорит о таком свободно витающем (*schwebende*) акцентировании при решении интеллектуальных задач, которое предшествует завершающему этот процесс напряжению.

В качестве второй характерной особенности личности, склонной к интуитивному постижению, указывают

на относительно малую роль процесса научения, по крайней мере, в общепотребимом значении этого слова. Исследующие эту проблему психологи нередко склоняются к тому, что интуитивное познание психического бывает адекватным прежде всего у людей, обладающих особыми к этому природными способностями и даром «сопереживания», позволяющими им непосредственно постигать психику другого человека.

Хотя в повседневной жизни мы, несомненно, встречаемся с определенными различиями в постижении психики других людей (как и в любой области деятельности), трудно представить себе, что практический, профессиональный опыт не имеют здесь никакого значения. Следует поэтому обратиться прежде всего к тому, каким образом, с помощью каких приемов психологи пытаются решить этот вопрос. Это – исследование в основном в области характерологии [14]; прежде чем дать общее представление о применяемых здесь методах, отметим важное в гносеологическом плане обстоятельство: попытки контроля интуитивным познанием осуществляются с помощью верифицируемых приемов и методов. В этой области получены некоторые весьма любопытные частные результаты, но психологи пока еще далеки от обоснованных выводов и обобщений.

Исследования эти строятся по принципу двух уровней: испытуемые сами выступают в роли экспертов, дающих заключения о поведении и психике других людей, а эти их заключения изучаются и оцениваются профессиональными психологами, обычно несколькими (исследовательский прием, называемый «методом судей»). Кроме того, применяется прием экстраполяции полученных в эксперименте данных на внеэкспериментальные ситуации с использованием предварительно выверенных критериев.

Вот типичное исследование и типичные результаты, которые были получены С. Эстесом в 1937 г. Двадцати психологам было поручено обследовать в течение школьного года восемь учащихся, в результате чего Эстес получил столь объективные, сколь это возможно, оценки черт личности своих испытуемых. Тогда он заснял на пленку поведение своих испытуемых в определенных и выразительных ситуациях (от испытуемых требовалось завязать галстук, снять куртку, поиграть и даже побороться друг с другом). Эти кадры были затем дважды предъявлены 35 «судьям»-наблюдателям, которые являлись психиатрами или психологами-клиницистами, имевшими, по крайней мере, двухлетнюю практику; они должны были оценить черты личности, бывшей предметом длительного изучения. Результаты этого исследования, при котором наблюдения судей могли быть сравнены с объективными данными, показали, что «ценность» наблюдений зависела от судей. Десять судей оказались лучшими в отношении всех наблюдаемых черт, и их результаты были на 33% выше результатов десяти худших судей. Ни возраст, ни профессиональный стаж,

<sup>3</sup> Очень хороший пример мы находим в только что цитированной книге «Тайны древних писем», где рассказывается об оособоодаренном дешифровальщике так называемого линейного письма Б.-М. Вентрисе (архитекторе). Психологически здесь интересно замечание о том, что «глаз архитектора видит в постройке не просто фасад, набор конструкций и структурных украшений, он проникает вглубь и различает за внешним фасадом основные части всего сооружения. Точно так же среди запуганного множества таинственных знаков Вентрис умел различать формы и закономерности, которые выдвигали кроющуюся за этим хаосом структуру [1. С. 115].

ни владение дидактическим психоанализом не оказали систематического влияния на результаты [8. С. 113].

В исследованиях указанного типа иногда удается углубить анализ тех внутренних психологических механизмов, которые лежат в основе выносимых суждений о психике другого человека. Немало очень интересных исследований было проведено в Венском психологическом институте. При этом выявились любопытные данные не только о том, с какой степенью достоверности определяли испытуемые взаимную принадлежность 12 голосов (записанных на магнитную ленту) и 12 лиц (по фотографии), но и о том, каким способом это получается лучше. Те, кто старался путем развернутого рассуждения выделить определенные признаки, кто долго и тщательно взвешивал все пункты «за» и «против», дали 18% правильных решений и 82% неправильных. Кто сопоставлял «не рассуждая», «по первому впечатлению», «не обдумывая» – представляли 82,6% правильных и только 12,4% неправильных решений. Из 12 лучших испытуемых было 8 женщин и 4 мужчин; из 8 худших – 4 мужчин и 4 женщины [12. С. 157].

В контексте нашей работы особо выделим исследования, в которых сопоставлялись результаты оценки психики, даваемые профессиональными психологами и психiatрами, и оценки неспециалистов. Например, такое исследование было выполнено В.Б. Клейном, который пришел к заключению, что результаты в группе профессионалов были несколько выше, и для них характерны значительные индивидуальные различия и широкий разброс показателей. И этот автор приходит к выводу о важной роли эмоционального переживания в оценке психики другого человека [7].

Общий результат приведенных данных свидетельствует как о возможности экспериментальной верификации интуитивных решений, так и о возможности с помощью такого рода методик познавать их внутренние психологические механизмы. Вместе с тем весьма сомнительным представляется обоснование того, что суждение о психической патологии (прогноз) может быть успешным при наблюдении за совершенно незначимыми для личности ситуациями. Правильнее здесь подход более дифференцированный, в зависимости от характера и глубины патологии.

Наряду с констатацией самого факта интуитивного познания и указания на обусловленность его особенностью психического как объекта, несмотря на отсутствие вполне адекватных для этой цели методик, психология уже располагает вполне приемлемым объяснением как самого интуитивного познания, так и пониманием дальнейших путей его изучения. А.В. Снежневский в связи с теоретическим обоснованием существа диагноза и прогноза в медицине справедливо трактовал интуицию как организованный и автоматизированный опыт клинициста [4. С. 181].

Помимо теории, согласно которой интуитивные формы познания есть результат работы некоторых психологических механизмов типа формирования навыков, в со-

временной психологии для уяснения их сущности привлекают также данные о природе восприятия, в частности, некоторые положения гештальтпсихологии и этологии. Для случаев, когда интерпретации подлежит сложно воспринимаемая реальность, некоторые психологи и психиатры делают акцент на принципиальном отличии между восприятием гештальта и выделением в восприятии отдельных «ключевых» признаков (хорошо известно, что биологически значимые «ключевые» признаки приводят в действие особые внутренние системы реагирования, в терминологии этологической школы – врожденные пусковые механизмы). В противоположность ориентации на отдельные признаки гештальт – это восприятие целостности, единства, которое – по меньшей мере в самый момент восприятия – не может быть сведено к сумме отдельных признаков. Конечно, такого рода представления являют собой значительное упрощение: не только отношения между этими компонентами восприятия должны быть более сложными, но и следует ожидать, что они будут меняться от одних условий опыта к другим.

Вся проблема в целом должна также значительно усложняться по мере усложнения самой воспринимаемой реальности, и особенно это относится к внешнему выявлению психического у человека. К. Лоренц говорит в этой связи о необходимости для исследователя иметь «клинический взгляд», имея в виду отражаемую реальность в целом [11]. Психиатры К. Ясперс, Я. Вирш и Х. Телленбах, развивая положение о целостном восприятии той или иной патологии именно как некоторой целостности, фактически реализуют для области изучения патологии те же идеи. К. Ясперс в своей работе о Стринберге и Ван-Гоге говорит о трудностях диагноза шизофрении, поскольку последний обусловлен не столько элементарными, определенными объективными «признаками», но общей целостностью психического (*jeweilige seelische Totalität*); вспомним в этой связи об известных словах голландского психиатра Г. Рюмке о распознавании шизофрении как «чувства» – *Präsox-gefühl*. Аналогично Я. Вирш утверждает, что при установлении диагноза шизофрении надо выйти на «сумму отдельных симптомов», и поэтому нет ничего удивительного в тех случаях, когда при наличии всех общепризнанных признаков, такой диагноз все же не выставляется или наоборот, выносится тогда, когда таких признаков нет.

О том же целостном восприятии и понимании патологии говорит представитель феноменологического направления в психиатрии Х. Телленбах при анализе меланхолического типа личности. Он отмечает, что при констатации этого феномена меньшую роль играют систематическое сравнение признаков, чем «концентрирующаяся интуиция» (*verdichtete Intuition*), при которой существенные признаки постепенно отчленяются от несущественных, эфемерных [15]. В другой своей работе он указывает на то, что лежащее в основе определения этого феномена психиатрическое знание – это знание особое, не сводимое к другим видам знания, но для его формирования, как и для выработки хорошего вкуса в

искусстве, необходимы опыт, упражнение, воспитание, длительное упорядочивание, – то, что в сумме своей дает некоторый «общий, определяющий суждение психиатра эффект атмосферы» [16]<sup>4</sup>.

Приведенные высказывания, несомненно, свидетельствуют о том, что речь идет не только об обусловленности интуитивных форм познания концентрацией опыта и целостностью восприятия, но и о весьма сложном соотношении различных когнитивных уровней (перцептивного, мнемического, концептуального). Ранее в разделе была изложена суть структурно-уровневой концепции психического, которая, по нашему мнению, может в определенной степени служить объяснению интуитивного познания. В плане этой концепции можно интерпретировать интуитивное познание как результат такой динамики когнитивных уровней, при которой высший концептуальный уровень не только является ведущим, но и обретает возможность реализации в виде уровней иерархически более низких (перцепции, интеллектуальных чувствований). В ранее опубликованных наших работах эта концепция изложена более полно [3].

Именно то, что мышление обретает формы чувственного познания, характерно для более развитой и продуктивной интуиции, определяет и формы ее проявления в конкретной деятельности. Так, в одном из наших экспериментов специалисту высшей квалификации в области промышленной рентгенологии (А. Товаровскому) предъявлялась рентгенограмма металлической отливки с просверленными в ней на разную глубину отверстиями. Отверстия сверлились как с плоскости, обращенной к рентгеновому аппарату, так и с противоположной плоскости. По инструкции требовалось определить: 1) плоскость сверления по снимку и 2) относительную глубину отверстий. Если для выполнения второй части задания при известном навыке работы с рентгенограммами можно обойтись одной проекцией, то выполнить первую часть возможно лишь по двум проекциям, поскольку на одной проекции изображения одной плоскости сверления неотличимы от таковых другой плоскости. Тем не менее испытуемый, руководствуясь неуловимыми для других и неосознанными им самим признаками, выполнял эти задания абсолютно безошибочно лишь по одной проекции.

В этой связи представляет значительный интерес данная З. Фрейдом характеристика особенностей научного, творческого мышления его учителя, одного из ос-

новоположников современной неврологии – Ж. Шарко. С нашей точки зрения, это описание – дополнительный довод в пользу структурно-уровневой интерпретации рассматриваемого феномена.

Вот это описание. То, что Шарко было незнакомо, он, по словам Фрейда, «имел обыкновение рассматривать каждый раз под новым углом зрения, изо дня в день усиливая свое впечатление, пока, наконец, понимание не приходило как бы само собой. Тогда тот кажущийся благодаря постоянному перебиранию одних и тех же симптомов хаос обретал порядок перед его умственным взором, возникали новые картины заболевания с четкими и постоянными взаимосвязями определенных групп симптомов; совершенные (vollständige) и крайние случаи – то, что можно назвать «типами», возникали как результат некоторой схематизации и оказывались благодаря этому яснее различимыми и значимыми; а затем, уже исходя из этих типов, его взгляд пробегал весь длинный ряд последовательных промежуточных («ослабленных») случаев (des formes frustes), которые, по отношению к тому или иному характерному для каждого типа признаку, есть отклонение в сторону неопределенности. Такого рода умственную работу, в которой он не имел себе равных, Шарко называл «тренировкой в нозографии» и даже гордился ею. Не раз слышали от него о том, что человек должен испытывать большое удовлетворение от познания нового, от восприятия объекта в ранее неизвестных взаимосвязях, особо выделяя при этом роль «видения».

Приведенные данные свидетельствуют и о том, что между современным психологическим и декартовским терминами «интуиции» имеются не только различия, но и весьма существенные общие семантические характеристики. Ясно также, что в исследованиях лабораторного типа для интуитивного познания нет места, в то время как там, где объектом познания выступают сложные, в том числе и клинические «гештальты», они при наличии способности и направленности индивида могут познаваться и на основе свернутых, сокращенных и реализующихся на сенсорно-перцептивных уровнях форм познавательной деятельности.

Итак, сопоставление верифицируемых и интуитивных форм познания в науках о психике, несмотря на наличие многих «белых пятен», фиксирует не только существование каждой из них и определенные различные сферы их приложения, но и то, что во многих отношениях они составляют единство; однако несомненно, что многие проблемы здесь еще только намечены. Вместе с тем разрабатываемая в современной психологии общая методология исследования указывает пути в какой-то мере сокращения различий обеих форм, вернее, приближает интуитивное познание к верифицируемому путем применения контрольных форм проверки валидности и надежности интуитивных решений. Однако основным путем этого сравнительного изучения обеих форм является исследование тех психологических механизмов, на которых формируется каждый из них.

<sup>4</sup> Необходимо отметить, что использование термина «эффект атмосферы» может привести к ложному пониманию, поскольку им же обозначается в рассуждении логическая ошибка типа «нераспределенного третьего»: все S есть M, все P есть M, значит, все S есть P. Поскольку это логическое обозначение ничего здесь не объясняет, было предложено психологическое объяснение отсутствию сопротивляемости такого рода ошибке, которое выявляется у многих людей. «Эффект атмосферы» также анализировался при изучении девянтных форм мышления у больных шизофренией [6]. Общим для всех контекстов рассматриваемого термина является, пожалуй, лишь отрицательное значение: случай, когда суждение об объекте выносится без учета всех его свойств и компонентов.

## Литература

1. Дьяконов И.М. и др. (ред.) Тайны древних писем. Проблемы дешифровки. М.: Прогресс, 1976.
2. Роговин М.С. Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. т. 70. Вып. 1. С. 136–143; вып. 2, С. 280–289.
3. Роговин М.С., Урванцев Л.П. и др. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.
4. Снежневский А.В. Общая психопатология. Валдай, 1970.
5. Bierkens P.B. Urteilsbildung in der Psychodiagnostik. München, 1968.
6. Chapman L.J., Chapman J.P. Atmosphere effect re-examined // J. of Experimental Psychology. 1959. Vol. 58. P. 220–226.
7. Cline V.B. Ability to judge personality. Assessed with a stress interview and sound-film technique // J. of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol. 55. P. 183–187.
8. Estes S.G. The judgment of personality on the basis of brief records of behavior. Cambridge, 1937.
9. Freud S., Gesammelte Werke. Bd. 8. Fr. Main, 1969.
10. Gross R. Medizinische Diagnostik. Grundlagen und Praxis. Heidelberg, 1969.
11. Lorenz K. Über tierisches und menschliches Verhalten // Gesammelte Fdyndlungen. Bd. 2. München, 1965.
12. Meehl P. Clinical versus statistical prediction. Minneapolis, 1963.
13. Möller C.P. Erfahrungen mit der Anwendung eines psychosomatisches Verstandnisses in der Klinik // Psychosomatische Probleme in der Gynakologie und Geburtshilfe-Berlin. 1984. S. 17.
14. Rohrachner H. Kleine Charakterkunde. Wien, 1961.
15. Tellenbach H. Melancholic. Berlin, 1961.
16. Tellenbach H. Geschmack und Atmosphäre. Salzburg, 1968.

## VERIFIABLE AND INTUITIVE COGNITION OF THE MENTAL

M.S. Rogovin (Moscow), G.V. Salevsky (Tomsk)

**Summary.** The problem of logic, rational, discursive cognition of the mental and its cognition by the way of intuition. The attempt is undertaken to find out interrelation between them and what psychological mechanisms underlie each of them. The state-of-the-art review of concrete experimental-psychological investigations is given, and also the data of author's investigations are cited.

**Key words:** intuition, cognition of the mental, psychological mechanisms, pathology.